Ник Стайни

Ярый

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ник Стайни

Ярый

«Автор»

2026

Стайни Н.

Ярый / Н. Стайни — «Автор», 2026

Вы читаете "Ярого" в формате черновика, потому что для меня важно ваше мнение здесь и сейчас. Я пишу о войне без прикрас: о тяжелом железе, сорванной психике и о том, как общество часто оказывается не готово к тем, кто вернулся. В памяти Ярослава нет хронологии, есть только яркие, цветные, но болезненные осколки: лицо мамы, рев «драги», запах пороха, погибшие друзья и враги. Поворот стёкол в этой трубке случаен, и именно этот хаос воспоминаний разрывает героя изнутри.Все средства от продажи черновика идут на профессиональную редактуру, чтобы превратить эту живую, но сырую окопную правду в настоящую книгу.Все имена и позывные - вымышлены. Совпадения случайны. События основаны на реальных, но с художественным вымыслом.

© Стайни Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ник Стайни
Ярый

Глава первая

Делай все что по душе, на своем стальном коне. Мы здесь - чтоб полночь взорвать!
"Ария"

Говорят, перед смертью жизнь проносится перед глазами. Безбожно врут. Жизнь вспоминается яркими, подобными взрывам, образами. Эдаким калейдоскопом. Вот ты впервые идёшь в школу. Вот тебе дарят щенка, и ты рад появлению первого друга в твоей жизни… Смена стёкол — первый поцелуй, робкий и неуклюжий. Первая любовь, яркая и короткая, словно взрыв… Первый мотоцикл, и ветер свободы звучит в твоих ушах словами Кипелова…. Всё то, что было впервые. Память милосердна, в ней нет больше места ни детским обидам, ни взрослым поражениям. В ней нет ни боли, ни грязи. Калейдоскоп падает, яркая вспышка и темнота….

Сцена первая

Ночная дорога, ветер, бьющий в лицо, ощущение свободы и огня в крови, когда твоя «драга» ревёт под тобой. Всё это и есть квинтэссенция того, что делает человека мотоциклистом.

К счастью, на этом участке трассы не было ни камер, ни постов ДПС, поэтому можно было спокойно ехать без шлема. Как ни крути, штрафы — штука весьма неприятная.

Я остановился возле придорожного кафе, заглушил двигатель. Закурил. Память. Кто мы без неё? Не она ли делает человека — человеком? На этот вопрос у меня не было ответа, как всегда.

Взяв у заспанной и, явно недовольной моим визитом, продавщицы баночку «Red Bull», я присел на лавочку и щелчком отправил окурок в урну. На удивление, даже попал.

Усмехнулся. Рука восстанавливалась даже быстрее, чем прогнозировали врачи. А значит, через месяц, после комиссии, меня ждёт возвращение к работе. Щелчком выбив из пачки сигарету, я глубоко затянулся и, сделав хороший глоток энергетика, погрузился в воспоминания…

— Ярый! Ярый, твою разэдак! Кто так соединяет? Кто, мать твою, так делает скрутки? Их же, бл.., даже трёхлетний сопляк порвёт! — голос прапорщика Степанова, инструктора по полевой связи, бил по мозгам. Бывают же люди: вроде здоровенный мужик, а голос тонкий, как у девчонки.

— Виноват, тащ прапорщик! Исправлю! — бодро откликнулся я и, матерясь про себя, чтобы прапор не услышал, отправился к предыдущей скрутке. Вообще, занятия по полевой связи я считал занятием глупым и абсолютно ненужным. Ну в самом деле, 21-й век на дворе, какие полевые телефоны с проводами? Есть же рации, спутниковые телефоны, те же самые мобильники! Но нет, армейская машина, закостеневшая в пятидесятых, была неумолима. Связист? Значит, должен тянуть линии, подключать коммутаторы и тапики, уметь обращаться со всей этой хренью. Моя срочная служба в роте связи была сплошным кошмаром. Пока разведка, антитеррор и даже комендантская рота пропадали на полигонах, расстреливая патроны цинками, связисты то тянули провода по траншеям, то чинили обрывы этих самых проводов, то бегали с полными катушками в полном боевом облачении. Мало того, что бронежилет и каска были не по размеру, так ещё и катушки были древнее мамонтов и весили, казалось, по тонне

каждая. А пяток километров — будь добр, пробеги. А коли косяк есть в роте, то десяточку. Командир роты, старший лейтенант Тучевский, гонял нас немилосердно. Что называется, и в хвост, и в гриву.

Как же я ему благодарен!

Из дымки воспоминаний меня вырвала громкая музыка из видавшей виды «девятки». «За деньги, да….тыц-тыц-тыц, За деньги, да!»

Я поморщился и, выкинув банку, медленно направился к мотоциклу. Сытый рык мотора заглушил надоедливую мелодию и безвкусный текст. Надев шлем и усевшись верхом на своего «коня», я вырулил со стоянки на ночную трассу. В наушниках Эдмунд Шклярский пел о том, как ему хорошо в королевстве кривых. Как ни странно, но воспоминания не отпускали, но и не отвлекали от трассы, блуждая на периферии сознания отдельными образами.

Вот сержант, один из многих, учит нас, как правильно надевать броник, чтобы нигде не жал. Это учебка. Здесь ребята довольно дружелюбны, и царит больше Устав, чем пресловутая дедовщина.

Вот ботинок другого сержанта врезается мне под дых, и в глазах — кровавая пелена. Вот я стою на плацу, и меня переводят в связисты, подальше от группы антитеррора, за неуставные взаимоотношения со старшим по званию…

Вот я снова делаю скрутку, и кто-то из старшего призыва крутит ручку — меня не то чтобы сильно пробивает разрядом.

Вот я становлюсь младшим сержантом, мне отдают отделение. Я не гноблю парней почём зря, не издеваюсь так, как над нами.

Вот первый раз, когда я огрёб от взводника, и парни «качались» полночь за косяк кого-то из них, а я и получал.

Вот я ухожу на дембель, в звании сержанта, со значком специалиста первого класса на груди, и парни суют мне собранные деньги «на дорожку». Мне даже жаль уходить, но впереди дом, любимая девушка и гражданская жизнь.

Под хорошую музыку и этот фон я и не заметил, как добрался до пункта назначения.

Наступало утро.

Сцена вторая.

Зайдя в квартиру, я включил свет и огляделся. Хотя, что могло измениться?

Приняв душ и позавтракав, я улёгся спать. Но… Взгляд задержался на фотографии, которую давно стоило убрать. Что заставляло меня хранить её? Опять нет ответа.

Фотография в обычной, дешёвой рамке запечатлела один из лучших моментов моей жизни.

Я — в строгом тёмно-синем костюме, она — в строгом белом платье. Жанна всегда была фотогенична. А я, наоборот, на фотографиях выглядел не очень…

— Ребята, ну что вы как неродные? Улыбнитесь! — голос фотографа, потного лысого дядьки с щербатой улыбкой, уже раздражал. Для какой-то фотографии выпускного класса нас мурыжили уже добрый час! Фото класса, фото по отдельности, опять групповое… Парные фото по желанию. Фото отдельно парней, отдельно девчонок. Парочки, которые, по его мнению, будут шикарно смотреться. «Будет что вспомнить!» Как будто первая красавица класса, Жанна, будет рада увидеть меня рядом с собой… Но, что странно, она с улыбкой согласилась на предложение фотографа. Зеленоглазая брюнетка с точёной фигурой и я — пусть и повыше её, но не отличающийся богатырским сложением и прячущий глаза за стёклами очков. Что он в нас увидел? Но нужно отдать должное его мудрости и намётанному взгляду. И проклясть на веки вечные!

Выпускной заканчивается, как обычно, танцами. Мы танцуем под объективом фотографа, и я вижу, как в её глазах пляшут бесенята. Вспышка заставляет меня зажмуриться, и я чувствую, как она мягко целует меня в губы. Простое касание, но сколько в нём было тепла….

Я приглашаю её на свидание, она соглашается. Мы гуляем по парку, пьём кофе из пластиковых стаканчиков. Смеркается… Я провожаю её домой, она стоит на пороге. Я смотрю на неё, и в моей душе — странное чувство. Я делаю шаг к ней, и мы сталкиваемся, смущённые своей смелостью. Первый поцелуй, по-взрослому. Деликатное покашливание её мамы. Как оказалось, она смотрела за нами с лестничной площадки ниже, а мы даже не услышали её шагов. Анна Семёновна улыбается: её дочь выбрала не хулигана и наркомана, а приличного юношу из приличной семьи. Наши свидания, вечерние прогулки, первая ночь вместе… Пять лет института пролетели незаметно. Я устроился на работу в небольшую фирму, Жанна продолжила учебу на аспирантуре.

Ночные подработки, первый разговор с отцом на тему Жанны, знакомство с Анатолием Мартыновичем… и, как счастливый результат, — свадьба.

Я — в тёмно-синем строгом костюме-тройке, Жанна — в строгом белом платье, с букетом орхидей в руках. Тосты, пожелания. Свадьба небольшая, потому как родители отдают нам квартиру. Эту квартиру. Мы счастливы и строим планы на жизнь. Но…

«Да под осень пришла повестка, сколько песен об этом спето, нахрена же такая песня?» Время в армии тянулось от письма до письма, иногда с фотографиями. Но всегда приличными.

Возвращение домой, Жанна неприятно серьёзная и… что это? В квартире нет ни её вещей, ни ноутбука, ни даже тапочек. Она в джинсовом комбинезоне, и я замечаю лёгкую округлость живота.

— Ярослав, прости меня… я подала на развод, и я… Я люблю другого, он станет папой… Я ведь не хотела!, просто устала ждать. А тебя не было так долго! А Антон. Он помог, поддержал, всегда поговорит,всегда утешит... А после сессии, по традиции, мы поехали в бар. И я... Я выпила чуть больше, чем нужно.

Я слушал её монолог и - не слышал. Перед глазами багровело от бессильного гнева. Я смотрел в её лицо, но видел этого, неизвестного мне, Антона.

Слова её прервались резким звуком пощечины. Обиженный взгляд Жанны, моей Жанны. Но — уже не моей.

Алкоголь, как попытка сбежать. Долгий разговор с отцом, его понимание и поддержка, попытка объяснить, что жизнь не кончается. Слёзы матери, её жалость и даже не ко мне или Жанне, а о ситуации в целом. Затворничество в квартире. Алкоголь до отвращения...

Глава вторая

Сцена третья
И за порог, сделав шаг,
Мой друг давал команду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.